

На правах рукописи

Софронова Екатерина Анатольевна

**Удмуртский музыкальный фольклор
в коллекциях 1937–1941 годов Фонограммархива
Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук**

Специальность 17.00.02 — Музыкальное искусство

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург
2022

Работа выполнена на кафедре этномузыкологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент
Лобкова Галина Владимировна
заведующий кафедрой этномузыкологии
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

**Официальные
оппоненты:** доктор искусствоведения, доцент
Нуриева Ирина Муртазовна
ведущий научный сотрудник Удмуртского института
истории языка и литературы Удмуртского
федерального исследовательского центра Уральского
отделения Российской академии наук

кандидат искусствоведения, доцент
Косырева Светлана Витальевна
доцент кафедры музыки финно-угорских народов
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Петрозаводская государственная консерватория
имени А. К. Глазунова»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия музыки имени Гнесиных»

Защита состоится 25 апреля 2022 года в 15.30 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 210.018.01 при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова» по адресу: 190068, Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и на сайте: https://www.conservatory.ru/sites/default/files/uploads/dissovet/Софронова/Софронова%20Е.%20А.%20Диссертация_текст_05-02-2022.pdf

Автореферат разослан «_____» _____ 2022 года

Ученый секретарь Совета по защите диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
Д 210.018.01 при Санкт-Петербургской
государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова
кандидат искусствоведения

Редькова Евгения Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Экспедиционные коллекции звукозаписей и документы 1937–1941 годов по подготовке к изданию сборника «Удмуртские народные песни», хранящиеся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ИРЛИ), являются ценным источником для изучения удмуртского народного музыкального и поэтического творчества. В коллекциях содержатся уникальные образцы обрядовых жанров фольклора и инструментальной музыки удмуртов, большинство из которых не опубликовано. На современном этапе возникает необходимость введения этих материалов в научный оборот. Кроме того, актуальность исследования связана с возможностью детальной характеристики довоенного периода становления отечественной этномузыкологии и фольклористики.

Удмуртские коллекции 1930-х годов сформировались в процессе осуществления проекта «Песни народов СССР» коллективом ученых под руководством Е. В. Гиппиуса. В 1937 году в Удмуртской АССР работало две экспедиции — Я. А. Эшпая и М. П. Петрова (март) и В. А. Пчельникова (июнь). За четыре года (до 1941) сотрудниками Фонограммархива, а также приглашенными специалистами были выполнены нотации, расшифровки и переводы поэтических текстов, написаны научные статьи, подготовлена и сдана в печать рукопись сборника «Удмуртские народные песни» — второго выпуска серии «Песни народов СССР». Но в связи с началом Великой Отечественной войны сборник не был издан и вышел в свет спустя 50 лет в несколько измененном виде¹.

Работа над проектом «Песни народов СССР» осуществлялась в один из сложных и драматичных периодов истории Удмуртии и Советского государства в целом. В 1930-е годы создавались общества и организации, цель которых состояла в формировании на национальной основе профессионального направления в сфере литературы и искусства. Экспедиции 1937 года застали пик подъема самосознания удмуртского народа, поддержанный принятием 14 марта 1937 года Конституции Удмуртской АССР. К этой дате были приурочены смотры самодеятельных и профессиональных коллективов, лучшие из которых были отправлены на декаду удмуртского искусства в г. Киров. Часть звукозаписей из коллекций, рассмотренных в диссертационной работе, отражает настроение и дух этого времени. Однако в те же годы (1936–1939) по стране прокатилась волна политических репрессий. Во второй половине 1937 года в Удмуртии было репрессировано 1347 человек и расстреляно 426. Этот процесс коснулся многих представителей культурной интеллигенции: А. Г. Векшиной (А. Оки), К. П. Чайникова (К. Герда), Д. И. Корепанова (Кедра Митрея) и других деятелей культуры, входящих в Удмуртский научно-исследовательский институт

¹ Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни: тексты и исследования / восстановление по архивным материалам М. Г. Хрущевой и Р. А. Чураковой. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО АН СССР, 1989. 84 с.

социалистической культуры (далее — УдНИИ) и Союз писателей, в том числе и участников экспедиции — М. П. Петрова и, возможно, В. А. Пчельникова, сведений о деятельности которого после 1938 года получить не удалось.

Степень разработанности темы исследования

Довоенный период истории изучения удмуртского музыкального фольклора освещается в исследованиях А. Н. Голубковой, Р. А. Чураковой, Т. Г. Владыкиной, И. М. Нуриевой, В. Н. Денисова, П. К. Поздеева. Особое внимание исследователи уделяют деятельности УдНИИ, который с момента его открытия в 1931 году становится центром по изучению культуры удмуртского народа.

История создания удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ представлена в работах В. Н. Денисова, основной интерес которого направлен на выявление звукозаписей удмуртского фольклора в крупных отечественных и зарубежных архивах Эстонии, Венгрии, Финляндии, Австрии и Германии. Специальные статьи В. Н. Денисова посвящены экспедициям Я. А. Эшпая, М. П. Петрова, В. А. Пчельникова 1937 года. Он приводит статистические данные, касающиеся состава коллекций, частично восстанавливает маршруты работы собирателей, публикует некоторые ценные документы, в том числе копии вкладышей к фоноваликам. Но В. Н. Денисов не дает оценки музыкальным материалам удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ.

В 1989 году сотрудниками Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (далее — УИИЯЛ УрО РАН) опубликован сборник «Удмуртские народные песни», основанный на материалах, подготовленных в 1937–1941 годах. В осуществлении издания сборника принимали участие Т. Г. Владыкина, М. Г. Хрущева, Р. А. Чуракова, перевод поэтических текстов заново выполнен П. К. Поздеевым. Вступительная статья отредактирована Е. В. Гиппиусом незадолго до его кончины. Нотные расшифровки приведены Р. А. Чураковой и М. Г. Хрущевой в соответствии системе аналитической нотации, разработанной Е. В. Гиппиусом.

Вместе с тем основная часть (85 %) хранящихся в Фонограммархиве ИРЛИ аудиозаписей Я. А. Эшпая, М. П. Петрова, В. А. Пчельникова 1937 года специально не исследовалась. В научных трудах Р. А. Чураковой, М. Г. Хрущевой, И. М. Нуриевой, А. Н. Голубковой, И. В. Пчеловодовой и других ученых рассматриваются только те образцы, которые опубликованы в сборнике «Удмуртские народные песни» в 1989 году.

В качестве **объекта настоящего исследования** выступает удмуртский музыкальный фольклор и научные методы его собирания и изучения, сложившиеся в довоенные годы (1937–1941).

Предметом исследования являются история формирования и содержание удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ 1937–1941 годов в свете становления науки о музыкальном фольклоре.

Материалы к исследованию сосредоточены в Фонограммархиве ИРЛИ и включают 51 восковой валик:

— коллекция Я. А. Эшпая и М. П. Петрова (№ 138F) — 35 восковых валиков, номера-шифры в единой нумерации — с 4310 по 4344;

— коллекция В. А. Пчельникова (№ 141F) — 16 восковых валиков, номера-шифры — с 4383 по 4398.

Общее количество записей, зафиксированных на фонограф Я. А. Эшпаем, М. П. Петровым и В. А. Пчельниковым в ходе двух фольклорных экспедиций 1937 года, составляет 217 образцов. В 1980-х годах эти фонограммы были переписаны на магнитную ленту инженерами Фонограммархива ИРЛИ (Г. В. Матвеевым, В. П. Шиффом, А. В. Осиповым) и позже, в 2009 году, переведены в цифровой формат.

Помимо этого, исследованию подлежат документы Рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ, вкладыши к фоноваликам и рабочие книги, содержащие описи коллекций. Для сопоставления привлекаются образцы из нотных сборников удмуртских народных песен и исследований по удмуртскому музыкальному фольклору, изданных в России и за рубежом. В разделах, посвященных характеристике удмуртских музыкальных инструментов, учитываются сведения о коллекции Музыкальной кладовой Российского этнографического музея и Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда.

Цели работы — на основе документальных материалов Фонограммархива ИРЛИ представить неизвестные страницы истории изучения народной музыкальной культуры Удмуртии; раскрыть особенности содержащихся в экспедиционных коллекциях 1937 года уникальных образцов бортнического, охотничьего фольклора и инструментальной музыки удмуртов.

В процессе выполнения исследования решаются следующие **задачи**:

— осветить обстоятельства и принципы деятельности коллектива под руководством Е. В. Гиппиуса по подготовке изданий в рамках проекта «Песни народов СССР»;

— раскрыть результаты экспедиций в Удмуртию 1937 года Я. А. Эшпая, М. П. Петрова, В. А. Пчельникова и историю формирования коллекций № 138F, 141F Фонограммархива ИРЛИ;

— представить основные организационные проблемы создания сборника «Удмуртские народные песни» в серии «Песни народов СССР»;

— выявить методы изучения удмуртского музыкального фольклора, разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в конце 1930-х — начале 1940-х годов;

— определить историко-культурную ценность образцов бортнического и охотничьего фольклора удмуртов на основе звукозаписей 1937 года;

— дать комплексную характеристику удмуртских музыкальных инструментов и инструментальной музыки по материалам коллекции 1937–1941 годов Фонограммархива ИРЛИ.

Научная новизна обусловлена тем, что диссертация базируется на системном изучении архивных документов различного типа, в ней представлены неопубликованные ранее письма собирателей, научные очерки, нотации аудиозаписей и другие источники. На основе перечисленных материалов впервые

подробно освещена история создания удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ; раскрыты обстоятельства подготовки сборника «Удмуртские народные песни» по проекту «Песни народов СССР»; определены условия и методы собирательской работы Я. А. Эшпая, М. П. Петрова, В. А. Пчельникова, представлен начальный этап деятельности таких известных ученых, как Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, В. М. Беляев, Ф. А. Рубцов, В. Ф. Коукаль, В. И. Алатырев.

Благодаря введению в научный оборот ранее неопубликованных записей 1937 года стало возможным значительно дополнить сведения о жанрах бортнического и охотничьего фольклора. На основе сопоставления архивных материалов конца 1930-х годов с данными современных музейных и экспедиционных коллекций уточнены конструктивные особенности и систематика удмуртских музыкальных инструментов. Впервые представлены редкие образцы инструментальной музыки, построенные на основе вокальных мелодий, выявлены их прототипы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в раскрытии одного из важных, предвоенных этапов истории изучения удмуртской музыкальной культуры на основе неизданных документальных материалов 1937–1941 годов.

Выяснение методов, сложившихся в музыкальной фольклористике 1930-х годов, осуществляется на основе сопоставления оцифрованных экспедиционных фонограмм 1937 года с имеющимися в Рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ нотациями того же времени. Кроме того, автором самостоятельно выполнена расшифровка как опубликованных, так и не вошедших в издание 1989 года звукозаписей, что позволяет соотнести результаты аналитической работы конца 1930-х годов с современными представлениями об особенностях музыкального фольклора удмуртов. Такое трехуровневое сопоставление источников (фонограмма — нотация 1930-х годов — нотация 2010-х годов) способствует совершенствованию текстологических методов этномузыкологии. В результате подтверждается точность сформулированных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд выводов, касающихся особенностей ритмического и ладового строения народной музыки удмуртов, что актуально для определения перспектив развития этномузыкологии.

Практическая значимость состоит во введении в научный и культурный оборот новых данных по истории изучения традиций народной культуры Удмуртии и материалов по удмуртскому музыкальному фольклору, в том числе относящихся к таким самобытным жанрам, как бортнические, охотничьи заклинания и песни, инструментальные наигрыши. Результаты исследования и представленные в диссертации источники будут востребованы сотрудниками образовательных организаций, учреждений культуры с целью введения их в учебный процесс, использования для озвучивания музейно-экспозиционных пространств с музыкально-этнографической тематикой, осуществления реконструкции музыкальных инструментов, воссоздания ранних образцов удмуртского музыкального фольклора.

Методы и методология исследования

Для решения широкого спектра проблем в ходе исследования привлекаются методы современной этномузыкологии и смежных научных направлений: фольклористики, этнолингвистики. Коллекции рукописных материалов и аудиозаписей музыкального фольклора 1937–1941 годов Фонограммархива ИРЛИ становятся объектом историко-текстологического изучения, которое проводится с опорой на принципы, сложившиеся в трудах В. М. Беляева, Е. В. Гиппиуса, Б. Б. Грановского, Т. Г. Ивановой и других.

Жанровая классификация бортнического и охотничьего фольклора выполнена с учетом замечаний Е. В. Гиппиуса, а также исследователей удмуртской народной музыки (Р. А. Чураковой, М. Г. Хрущевой) и поэзии (В. Е. Владыкина, Т. Г. Владыкиной, Л. Д. Айтугановой). Изучение народных музыкальных инструментов и инструментальной музыки проводится на основе методологии системного исследования, сложившейся в трудах К. В. Квитки, А. В. Рудневой, А. М. Мехнецова, И. В. Мацеевского. Классификация музыкальных инструментов базируется на принципах, разработанных Э. Хорнбостелем и К. Заксом, с учетом опыта систематизации О. В. Гордеенко, а также наблюдений, представленных в статье В. М. Беляева «Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах». Инструментальная музыка удмуртов исследуется в сопоставлении с результатами работы современных исследователей (А. М. Карпова, И. М. Нуриевой, В. И. Яковлева, И. В. Пчеловодовой, М. Дэметэра и других).

Положения, выносимые на защиту

1. Коллекции звукозаписей и рукописных материалов 1937–1941 годов, сосредоточенные в Фонограммархиве ИРЛИ, имеют несомненную научную и историко-культурную ценность, включают яркие самобытные образцы удмуртской народной музыкальной культуры и являются результатом самоотверженной коллективной работы ученых в один из напряженных и драматичных периодов отечественной истории.

2. Сборник удмуртских народных песен, подготовленный к изданию группой этномузыкологов и фольклористов под руководством Е. В. Гиппиуса в конце 1930-х годов как второй из шести выпусков серии «Песни народов СССР», в полной мере отражает глубину и серьезность сформировавшихся в этот период научных методов изучения музыкально-поэтического наследия народов СССР.

3. В удмуртских коллекциях Фонограммархива ИРЛИ 1937 года содержатся жанры как обрядового, так и необрядового музыкального фольклора из 14 районов Удмуртии, одного района Кировской области и двух районов Татарстана (всего 217 образцов). Особого внимания заслуживает не вошедшая в сборник «Удмуртские народные песни» часть, включающая более 85 % собранного в экспедициях материала.

4. Изучение неопубликованных звукозаписей охотничьего и бортнического фольклора, сделанных в 1937 году, позволяет убедиться в верности замечаний Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд о древности этих жанров. В группе заклинаний напевно-декламационного характера наблюдается сплав обрядово-магических и

повествовательных интонаций, в основе структуры лежит подвижная строфа-тирада; слогоритмические модели основываются на «квантитативных музыкально-ритмических стопах» (термин Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд). Выводы исследователей об ангемитонно-пентатонных образованиях в старом песенном слое дополнены выявленными простыми (олиготонными и ангемитонными) и сложными ладовыми структурами, основанными на сопоставлении двух простых.

5. На основе материалов удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ 1937 года формируется детализированное представление об особенностях удмуртской инструментальной музыки. В них содержатся звукозаписи редких музыкальных инструментов, таких как: чипчирган — натуральная труба, узыгумы — продольная флейта, крезь — традиционные удмуртские гусли и цитра («австрийские гусли»), скрипка, венская двухрядная гармонь и бубен. Инструментальные версии свадебных мелодий на узыгумы, крезе и «австрийских гусях» являются своего рода вариантами обрядовых напевов, которые могли звучать совместно с пением или вместо него. Рекрутские мелодии, исполненные на чипчиргане и узыгумы, обнаруживают сходство с имитациями плача-жалобы и, возможно, также были включены в обряд проводов новобранца в армию, что составляет большую редкость для удмуртской традиции.

Соответствие диссертации паспорту специальности 17.00.02

Исследование соответствует следующим пунктам специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство: п. 6 — Этномузыкальное знание (фольклористика), п. 10 — Теория и история музыкального языка (выразительных средств музыки), п. 15 — История, теория и практика исполнения на музыкальных инструментах, п. 19 — Музыкальное источниковедение (архивоведение, музееведение), п. 20 — Музыкальная текстология.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Диссертация выполнена на кафедре этномузыкалогии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, обсуждалась на заседаниях кафедры. Основные положения диссертации представлены в семи научных статьях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. На основе материалов удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ подготовлены и прочитаны семь докладов на международных и всероссийских конференциях.

На основе материалов удмуртских коллекций Фонограммархива ИРЛИ подготовлены и прочитаны доклады на: IV Всероссийской научно-практической конференции учащихся, студентов и аспирантов «Этномузыкалогия: история, теория, практика» (Санкт-Петербург, 16–20 мая 2015 г.), V Международной научно-практической конференции учащихся, студентов и аспирантов «Этномузыкалогия: история, теория, практика» (Санкт-Петербург, 16–19 мая 2016 г.), VII Международной научно-практической конференции учащихся, студентов и аспирантов «Этномузыкалогия: история, теория, практика» (Санкт-Петербург, 13–17 мая 2018 г.), научно-практической конференции «Традиционная культура в

полиэтническом пространстве» (Ижевск, 6–7 апреля 2016 г.), научной конференции «Смех и плач в традиционной культуре» в рамках Международного конгресса «Фольклор народов России и стран СНГ» (Санкт-Петербург, 24–28 октября 2016 г.), Международной научной конференции «Гиппиусовские чтения — 2017: Музыкальные культуры народов России и Восточной Европы сквозь призму типологических исследований» (Москва, 23–25 марта 2017 г.), Всероссийской научной конференции «Из истории этномузыкологии и фольклористики: традиции, события, судьбы» (Санкт-Петербург, 27–30 сентября 2017 г.).

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы (199 наименований на русском и 9 на иностранных языках), а также 5 приложений. Общий объем диссертации — 199 страниц (без приложений), 286 страниц (с приложениями).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, охарактеризована степень ее научной разработанности, определены предмет и объект изучения, сформулированы цели и задачи работы, подчеркнуты научная новизна, теоретическая и практическая значимость данного труда, представлена его методологическая база, приведены основные положения, выносимые на защиту, даны сведения, подтверждающие соответствие диссертации специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство и свидетельствующие об апробации работы.

Первая глава **«История формирования и состав коллекций удмуртского музыкального фольклора 1937–1941 годов»** — посвящена изучению истории деятельности научного коллектива под руководством Е. В. Гиппиуса по подготовке второго выпуска «Удмуртские народные песни» в рамках проекта «Песни народов СССР».

1.1. Проект «Песни народов СССР» как одно из направлений деятельности коллектива под руководством Е. В. Гиппиуса

Изначально, судя по документам 1937 года, планировалась подготовка трехтомного издания под наименованием «800 песен народов СССР». В 1938 году изменилось название проекта — «Песни народов СССР» — и укрупнились его масштабы. Предполагалась публикация 40 музыкально-фольклорных сборников, представляющих образцы народного творчества советского времени и народной песенной культуры прошлого. Каждый из выпусков по плану должен был включать от 25 до 50 расположенных по жанрово-тематическим группам образцов музыкального фольклора. Сборники предназначались не только для художественной практики, но и для историко-теоретического исследования (как научный материал).

По сохранившимся протоколам совещаний редколлегии, телеграммам (обращениям) и письмам выясняется основной состав сотрудников фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР (с 1939 г. — отдела фольклора ИРЛИ), осуществлявших подготовку серии «Песни народов СССР». Из них над

удмуртским выпуском работало более 14 человек: Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, С. Д. Магид, Ф. А. Рубцов, Ф. Н. Гоухберг, Э. М. Диментман (Диментман-Баркова), П. И. Кац, Н. М. Греховодов, В. М. Беляев, В. Ф. Коукаль, Я. А. Эшпай, М. П. Петров, В. А. Пчельников, А. Н. Клабуков, В. И. Алатырев и другие специалисты ИРЛИ и УдНИИ. К началу 1941 года сборник «Удмуртские народные песни» был завершен и проходил предпечатную подготовку.

До войны было подготовлено к печати шесть сборников серии «Песни народов СССР», посвященных песенной культуре белорусов, чувашей, удмуртов, мари, карел и вепсов, коми, из которых вышел в 1941 году только первый — белорусский — выпуск².

1.2. Результаты экспедиций 1937 года в Удмуртскую АССР

Я. А. Эшпая, М. П. Петрова и В. А. Пчельникова

В марте 1937 года в Удмуртии работает первая экспедиция в составе Я. А. Эшпая и М. П. Петрова. Собранная ими коллекция № 138F включает 35 восковых валиков; общее число записей песен, инструментальных мелодий и наигрышей, принадлежащих к различным жанрам, — 151. В письмах исследователей содержится информация об обстоятельствах, которые не позволили полностью осуществить план экспедиции. Я. А. Эшпай и М. П. Петров за 11 дней работы экспедиции встретились с жителями 30 населенных пунктов 13 районов Удмуртии, двух районов Татарской АССР и одного района Кировской области. Большинство записей сделано в Ижевске от участников Декады удмуртского искусства, без выезда в районы. Среди рукописных материалов был выявлен документ с «ориентировочными данными для собирания удмуртских песен» (Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29г. Л. 103) с указанием приоритетных для записи жанров, что во многом объясняет содержание звукозаписей первой экспедиции. Преобладание в коллекции песен позднего происхождения вызвало необходимость снаряжения повторной экспедиции в Удмуртию.

Во второй экспедиции, проходившей в июне 1937 года, работал В. А. Пчельников. За 6 дней он записал 66 образцов на 16 валиках от жителей 6 западных и южных районов Удмуртии. Большая часть коллекции В. А. Пчельникова (№ 141F) состоит из обрядового музыкального фольклора.

В целом собирателям удалось записать 217 образцов. Коллекции включают как актуальные для того времени песни («О Сталине», «Красная армия», колхозные), так и традиционные жанры музыкального фольклора, характерные для бытовой жизни удмуртов (напевы, инструментальные мелодии, наигрыши семейных и календарных обрядов и праздников, частушки, шуточные, колыбельные, игровые и хороводные песни). Из этих материалов вошло в макет сборника «Удмуртские народные песни» и было опубликовано в 1989 году 30 образцов и один нотный пример во вступительной статье преимущественно из юго-западных районов Удмуртии. До настоящего времени остаются неопубликованными и неизвестными научной общественности 186 записей различных жанров удмуртского обрядового фольклора, в том числе — родовые,

² Белорусские народные песни / под ред. Е. Гиппиуса, сост. З. Эвальд. М.; Л.: Гос. муз. изд-во, 1941. 143 с.

свадебные, рекрутские, гостевые, бортнические, охотничьи напевы, а также самобытные инструментальные мелодии, наигрыши и другие не менее значимые образцы. Все они дополняют представление о традиционной музыкальной культуре удмуртов и дают возможность проследить этапы исторического развития жанров удмуртского фольклора.

1.3. Организация процесса подготовки сборника

«Удмуртские народные песни» в серии «Песни народов СССР»

Систематизация документов 1937–1941 годов (Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29а–29е) позволила восстановить в общих чертах этапы работы над вторым выпуском серии «Удмуртские народные песни»: 1) организация и проведение экспедиций и отбор музыкально-поэтического материала для сборника (февраль–июль 1937 г.); 2) приостановка работы над подготовкой сборника в связи с напряженной политической обстановкой в Союзе писателей Удмуртии, УдНИИ и установлением особого контроля за экспедиционной работой сотрудников (сентябрь 1937 — первое полугодие 1938 года); 3) редактирование переводов удмуртских текстов, исправление подстрочников (июнь 1938 – 1939 год); 4) корректура гранок научных статей и поэтических текстов (апрель 1939 — июнь 1941 года). Одновременно осуществлялась работа над созданием, редактированием и переписыванием музыкальных нотаций (хронологию установить не удалось в связи с отсутствием дат на расшифровках).

Сохранившиеся протоколы совещаний раскрывают процесс обсуждения и отбора песен. Первоначально список песен для издания составлялся удмуртскими исследователями и проходил утверждение руководством УдНИИ с учетом идеологических установок советского времени. В то же время список многократно обсуждался и уточнялся на заседаниях фольклорной комиссии в Ленинграде, где и принималось окончательное решение.

После первой экспедиции, судя по протоколам УдНИИ, список образцов главным образом был ориентирован на песни, отражающие актуальную, социалистическую, рабочую действительность, и в меньшей степени в издание включались жанры, связанные с обрядами жизненного цикла. Однако это не удовлетворяло Е. В. Гиппиуса, поскольку не в полной мере характеризовало музыкальную культуру удмуртов. После экспедиции В. А. Пчельникова (июнь 1937 г.) ленинградские исследователи дополнили состав сборника песнями календарного цикла «Пёртмаськон» (осеннего ряженья), гостевания, были добавлены охотничьи и сплавная песни, а также инструментальные мелодии на чипчиргане, узыгумы и плясовые песни, исполненные под аккомпанемент гармоника.

Подготовленная к началу 1940-х годов рукопись сборника «Удмуртские народные песни» соответствует всем требованиям научных публикаций. Составители сохранили документальный подход к отбору песен, к точности и достоверности расшифровок, их паспортизации. Около половины представленных образцов (15) относится к обрядовым жанрам традиционного музыкального фольклора удмуртов. В большей степени в сборнике раскрывается содержание

локальных традиций удмуртов-калмезов, проживающих в Увинском и Селтинском районах Удмуртии (22 образца).

1.4. Редактирование нотаций удмуртских народных песен

В процессе работы с документами Фонограммархива ИРЛИ была восстановлена исходная рукопись сборника с учетом порядка расположения музыкального материала на 1937–1940 годы. На основе сопоставления имеющихся вариантов беловых и черновых нотаций (более 50), выполненных З. В. Эвальд, Ф. А. Рубцовым, Н. М. Греховодовым, П. И. Кац, Ф. Н. Гоухберг и Э. М. Диментман (Диментман-Барковой), выявлены методы расшифровки, анализа и редактирования напевов и инструментальной музыки. В подразделе приводятся наиболее показательные примеры нотных расшифровок удмуртского фольклора предвоенного времени.

Все нотации проверялись З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом. Исследователи старались отразить в ритмической группировке, тактировке и в расположении напева основные структурные особенности удмуртских песен, инструментальных мелодий и наигрышей. В процессе редактирования утвердился метод аналитической нотации Е. В. Гиппиуса — построчная форма записи напевов, инструментальных мелодий и наигрышей с четким обозначением структурных единиц.

1.5. Вступительные статьи Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд к сборнику «Удмуртские народные песни» как первый опыт определения стилевой специфики удмуртской народной музыки

В папке № 29е Рукописного фонда Фонограммархива содержится несколько датированных 1939–1941 годами вариантов научных статей с редакторской правкой. В первой краткой статье (варианты заголовка: «Сведения о записях народных песен, включенных в сборник» / «Комментарии, общие замечания» / «Общие замечания») Е. В. Гиппиус приводит сведения об экспедиционных материалах и замечания по оформлению материала. В издание сборника 1989 года эта статья не вошла.

Вторая статья — «Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах» — написана В. М. Беляевым и планировалась к публикации в качестве дополнения (гранки датированы 26 ноября 1939 года).

Третья развернутая аналитическая статья Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд сохранилась в разных версиях под названиями: «Удмуртский песенный фольклор» / «Замечания об удмуртской народной песне» / «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни»³. При доработке текста значительные изменения коснулись ряда ключевых позиций исследователей. Поскольку работа проходила в сложный в политическом

³ Под последним наименованием статья дважды публиковалась. См.: *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки Удмуртского научно-исследовательского института: Вопросы языка, литературы и фольклора. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. Вып. 10. С. 61–88; Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни: тексты и исследования / сост. и науч. ред. Е. В. Гиппиус. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 10–33.*

отношении период, многие жанры удмуртского музыкального фольклора ученые отнесли к лирической песенной традиции, что позволило опубликовать в сборнике и обрядовые формы фольклора, инструментальную музыку, а также эпические (охотничьи повествовательные) песни. Вместе с тем авторы отстаивали принципы исторического изучения всего разнообразия жанров музыкального фольклора и поднимали вопросы их генезиса. Выделение Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд «общераспространенного» и «областных» стилей удмуртского музыкального фольклора наметило дальнейший вектор изучения песенных и инструментальных традиций Удмуртии.

В редакции текста статьи от 3 декабря 1940 года введены важные сведения об особой, бытующей в северных районах Удмуртии традиции исполнения песен без текстов на слова, не имеющие смыслового значения.

Во второй главе — «Удмуртские бортнические и охотничьи заклинания и песни в коллекциях Фонограммархива 1937–1941 годов» — представлены результаты исследований жанровых и музыкально-поэтических особенностей бортнического и охотничьего фольклора удмуртов.

2.1. Значение материалов по бортническому и охотничьему фольклору, записанных в экспедициях 1937 года

В удмуртских коллекциях Фонограммархива ИРЛИ 1937 года было выявлено 11 звукозаписей бортнического и охотничьего фольклора, зафиксированных в юго-западных районах Удмуртии и в пограничном с ними районе Кировской области: два охотничьих и два бортнических заклинания, одна бортническая обрядовая песня с импровизированным текстом и шесть охотничьих песен. В сборнике 1989 года были опубликованы два образца охотничьих песен и одно бортническое заклинание (в качестве примера в статье Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд).

Благодаря сопоставлению экспедиционных образцов 1937 года с материалами, опубликованными в исследованиях В. Е. Владыкина, Р. А. Чураковой, И. М. Нуриевой, стало возможным представить основные поэтические мотивы, дополнить информацию о ситуациях исполнения, уточнить определения жанров и осуществить группировку бортнического и охотничьего фольклора удмуртов:

Бортнический фольклор:

- бортнические заклинания напевно-декламационного характера;
- бортнические песни-заклинания;
- бортнические песни с обрядовыми / родовыми напевами;
 - а) с импровизированным текстом;
 - б) с устойчивым текстом;
- бортнические песни с необрядовыми напевами.

Охотничий фольклор:

- охотничьи заклинания напевно-декламационного характера;
- охотничьи песни.

2.2. Содержание поэтических текстов бортнических и охотничьих заклинаний и песен, принципы организации поэтической строфы

Содержание поэтических текстов бортнических и охотничьих заклинаний и песен непосредственно связано с трудовыми (промысловыми) или празднично-обрядовыми обстоятельствами их исполнения.

Бортнические заклинания напевно-декламационного характера и песни-заклинания направлены на призыв пчел и общение с роем (или маткой), воздействовали на пчел ритмом, звуком, словом, не давая рою улететь далеко. В основе поэтических текстов лежат повторяющиеся призывы и обращения заклинательного характера. Несмотря на импровизационный характер и мобильность структуры, тексты бортнических песен и заклинаний опираются на устойчивые поэтические мотивы, которые в процессе исполнения складываются и комбинируются исходя из той или иной ситуации: 1) мотив — звукоподражание гудению пчелы; 2) мотив весеннего пробуждения пчел или ухода на зимовку; 3) мотив отлета/прилета пчелы в улей; 4) мотив полета пчелы, поиска медоноса; 5) мотив работы/медосбора пчелы; 6) мотив солнечной погоды; 7) мотив роения (вылет роя, закрепление на дереве); 8) мотив обращения/призыва пчел/роя; 9) мотив поимки роя; 10) мотив радости—веселья от гудения пчел; 11) мотив безгрешной пчелы — Божьего создания; мотив обращения к Богу.

Представленный в коллекциях **охотничий фольклор** имеет иные закономерности в построении поэтических текстов. По их содержанию сложно определить конкретную ситуацию исполнения, предназначение песен и заклинаний, можно лишь предположить, что эти песни исполнялись не во время, а после охоты, так как в них сообщается о совершившихся действиях и выражается радость по случаю удачного промысла. Поэтические тексты охотничьего фольклора объединены общей темой, раскрывающейся в нескольких мотивах, последовательность которых может варьироваться: описание пути охотника, перечисление его действий, общение с собакой, подражание голосам птиц и зверей, радость от успешной охоты.

Обзор содержания поэтических текстов бортнических и охотничьих песен показал, что бортнические заклинания имеют магическую направленность, реализуемую за счет устойчиво повторяемых призывных фраз и императивного наклонения глаголов в обращениях. В охотничьих заклинаниях магическая функция сохраняется, но на первый план выходит повествовательный характер изложения, сюжет текста последовательно развивается без повторов.

Композиционная организация поэтических текстов охотничьих и бортнических заклинаний сходна с древними формами удмуртского фольклорного стиха. В их основе лежит синтаксический период (строфа-тирада), состоящий из простых и сложных предложений, взаимосвязь которых осуществляется на основе повторов, анафор и эпифор.

2.3. Бортнические и охотничьи заклинания напевно-декламационного характера

Бортнические и охотничьи напевы заклинательного типа относятся к раннему историко-стилевому пласту музыкального фольклора удмуртов и обнаруживают сходные принципы композиционно-ритмической организации,

мелодического и ладо-интонационного строения. Этим характеристикам напевов посвящены отдельные подразделы.

Особенности ритмической организации бортнических и охотничьих заклинаний напевно-декламационного характера обусловлены влиянием разных систем акцентуации. Краткие слоговые ритмические группы с разными видами акцентуации, сочетаясь, образуют более крупные построения. В разделе приводятся схемы, иллюстрирующие верность сделанных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд наблюдений о постепенной кристаллизации в напевах заклинательного типа количественных музыкально-ритмических формул как одного из значимых признаков удмуртского музыкального стиля.

Интонационно-ладовая структура бортнических и охотничьих заклинаний находится в стадии становления и отличается мобильностью. Вместе с тем в основе этих древних непесенных форм лежат как простые ладовые структуры, так и сложные, образованные в результате сопоставления двух простых. Анализ ладо-мелодических структур обнаруживает сходство интонационного развития бортнических и охотничьих заклинаний, в которых выявляются устойчивые мелодические звенья, соответствующие интонационным синтагмам⁴. Каждое звено имеет определенную функциональную нагрузку: а) зачинное включает восходящее движение; б) срединное/развивающее основано на неоднократном сопоставлении двух тонов звукоряда (большесекундовое или терцовое сопоставление); в) завершающее либо сразу утверждает главный опорный тон лада, либо включает нисходящее движение к опорному тону.

Для большинства образцов бортнических и охотничьих заклинаний напевно-декламационного характера характерна трехчленность тирадно-строфической композиции, при этом ладо-интонационные закономерности выполняют главную формообразующую функцию и обладают большей устойчивостью, нежели закономерности ритмической организации.

2.4. Бортническая песня с обрядовым напевом и импровизированным текстом: особенности структуры и музыкального стиля

В ходе экспедиции в июле 1937 года в Селтинском районе В. А. Пчельниковым зафиксирован уникальный образец бортнической песни «Мушан» («Ловля пчел») / «Праздник пчелы», исполняемый с импровизированным текстом. В рукописных документах сохранился обобщенный перевод текста, обрядовая направленность которого проявляется в призывных фразах, пожелании благополучия. Необычность песенной композиции состоит в ее разделении на две контрастные части. Изучение особенностей структуры и музыкального стиля данного образца позволило сделать вывод о том, что в нем сочетаются признаки обрядового напева (стабильный ритмический каркас и структурный повтор в первой части) и импровизационного креза

⁴ Термин «синтагма» заимствован из лингвистики и предполагает минимальную интонационную единицу, обладающую смысловой самостоятельностью, грамматическим единством и цельностью просодического оформления. См.: Бондарко Л. В., Вольская Н. Б., Кузнецов В. И., Светозарова Н. Д., Скрелин П. А. Фонология речевой деятельности / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 116.

(импровизируемый текст, контраст мелодических построений, подвижная слогоритмика во второй).

2.5. Охотничьи песни

В удмуртских коллекциях Фонограммархива ИРЛИ 1937 года представлено пять образцов охотничьих песен, записанных в западных районах Удмуртии⁵. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд указывают на то, что в песенных формах охотничьего фольклора присутствует как квантитативная ритмика, так и «формулы из равных кратких музыкальных времен, ритмически тяготеющих к одному или двум музыкальным долгим временам на конце формулы» (Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29е. Л. 170), что показательно для песен общераспространенного стиля и свидетельствует о следующем, более позднем этапе развития музыкальной традиции удмуртов. Характеристика ладоинтонационного строения охотничьих песен обнаруживает сочетание в них ангемитонных и гемитонных структур, что также является результатом наложения признаков раннего и позднего исторических стилей.

Стабилизация композиционно-ритмических и ладовых структур сближает охотничьи песни с другими песенными жанрами необрядового фольклора, но в напевах и поэтических текстах сохраняются признаки, указывающие на типологическую преемственность с заклинаниями. Среди таких признаков можно выделить: импровизационное начало, проявляющееся на уровне поэтического текста, и контрастное ладовое противопоставление мелодических элементов как закономерность организации напевов, имеющих ярко выраженную повествовательную функцию.

Третья глава — «Удмуртская инструментальная музыка в материалах Фонограммархива 1937–1941 годов» — посвящена выявлению конструктивных и функциональных особенностей музыкальных инструментов, а также исследованию жанрово-стилевых особенностей образцов инструментальной музыки, записанных в ходе экспедиций 1937 года.

3.1. Звукозаписи, нотации инструментальной музыки, научные замечания

Собирателями Я. А. Эшпаем, М. П. Петровым и В. А. Пчельниковым сделаны фонографические записи 29 образцов удмуртской инструментальной музыки на семи различных по конструкции музыкальных инструментах. Большая часть записанных образцов (21) представляет собой инструментальные переложения вокальных мелодий, из них 13 — обрядовые напевы (свадебные и рекрутские), хороводные, плясовые песни и 8 — песни позднего историко-стилевого пласта. Меньшее количество звукозаписей (8) относится к собственно инструментальным по происхождению образцам игры и включает плясовые наигрыши на «простых гусях» (крезе) и «австрийских гусях» (цитре), а также наигрыши «под пляску» и «под проходку» (шествие) на гармонике и бубне. Ценным дополнением к фонографическим материалам стали 20 нотаций 14

⁵ Шестой образец был исключен из списка исследуемых в связи с неполноценностью звукозаписи.

образцов инструментальных мелодий и наигрышей, которые были расшифрованы З. В. Эвальд и Ф. А. Рубцовым (с правкой Е. В. Гиппиуса).

В редакциях вступительной статьи Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд к изданию удмуртских песен содержится ряд замечаний о музыкальных инструментах и записях инструментальной музыки. В прилагаемой к сборнику «Справке об удмуртских народных музыкальных инструментах» В. М. Беляев проводит классификацию известных ему удмуртских музыкальных инструментов и дает им общую характеристику. Информация, полученная в ходе экспедиций 1937 года, дополняется материалами организованной автором Первой Всесоюзной выставки музыкальных инструментов народов СССР. В статье содержатся также описания редких инструментов, которые в экспедициях 1937 года не были записаны: волынки (быза), ржаных соломенных дудочек, музыкального лука и двухструнной скрипки.

3.2. Конструктивные и функциональные особенности инструментов, записанных экспедициями 1937 года

Группа *аэрофонов* представлена записями чипчиргана и узьыгумы.

Чипчирган — натуральная труба, продольная (прямая), без мундштука и без игровых отверстий (423.121.11)⁶. В. А. Пчельниковым инструмент записан впервые от исполнителя Ивана Афанасьевича Шабалина (1901 г. р.) из деревни Кильмовыр-Жикъя Селтинского района. Описание инструмента, сделанное Я. А. Эшпаем, и сведения, полученные в ходе современных экспедиций, несколько расходятся: не подтверждается наличие у чипчиргана берестяного раструба. Данные о приемах звукоизвлечения и игры на этом инструменте мало изучены, в связи с чем привлекается дополнительная информация о сходном инструменте юсь пöлян ('лебединая дудка'), зафиксированном П. И. Чисталевым у коми. В основе наигрышей лежит натуральная шкала, однако в результате анализа имеющихся нотаций были выявлены принципиально различные по составу звукоряды, которые могут быть объяснены конструктивными параметрами инструментов и спецификой исполнительских приемов.

Узьыгумы — продольная открытая флейта, одиночная (одноствольная), без игровых отверстий со свистковым вырезом (421.111.11). В. А. Пчельников зафиксировал звучание от того же исполнителя — И. А. Шабалина. Поскольку флейта не имеет игровых отверстий, одним из главных приемов игры является ритмически упорядоченный процесс закрывания и открывания выходного отверстия трубки указательным пальцем правой руки, что находит подтверждение в современных исследованиях И. В. Пчеловодовой. В статье В. М. Беляев приводит 7-ступенный звукоряд лидийского наклонения. Наигрыши, записанные от И. А. Шабалина, имеют сходную основу звукоряда.

⁶ Здесь и далее код инструмента приводится по классификации: Хорнбостель Э. М., Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: сборник статей и материалов: в 2 ч. / под общей ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1987. Ч. 1. С. 229–261.

Виртуозное использование различных технических приемов игры И. А. Шабалиным проявляется в одновременном звучании нескольких звуков (за счет задержания форшлага, подстройки форшлага или обертона).

Хордофоны в коллекции представлены звукозаписями на гусях / цитре (крезь / «австрийские гусли») и скрипке.

Гусли-крезь — дощечная цитра с резонаторным ящиком (314.122); «*Австрийские гусли*» — дощечная цитра с резонаторным ящиком, в который врезан гриф с металлическими ладами (32 — составной хордофон).

В. М. Беляев дает подробную характеристику двух экземпляров бытующих у удмуртов гуслей, представленных в 1937–1938 годах на Первой Всесоюзной выставке музыкальных инструментов народов СССР: удмуртские гусли полукруглой формы и «австрийские гусли» — резонирующий ящик на небольших ножках с лежащим грифом.

Я. А. Эспаем и М. П. Петровым было зафиксировано 17 образцов удмуртской гусельной игры (сольной и ансамблевой) на «австрийских гусях» и бытовом крезе от четырех исполнителей из центральных и южных районов Удмуртии. При атрибуции звукозаписей возникли некоторые сложности в определении типа инструмента, поскольку собирателями не приведены наименования гуслей, сведения о строе, описания конструкции инструментов. В процессе исследования выяснилось, что 15 из них могут быть отнесены к подлинно удмуртским традициям игры на крезе. Репертуар гусяров составили традиционные свадебные, песенные мелодии и плясовые наигрыши, что позволяет сделать вывод об использовании музыкантами бытовых, а не культовых крезей.

В целях определения вида и конструкции удмуртских гуслей, зафиксированных в 1937 году, изучены инструменты из коллекций Российского этнографического музея, Национального музея имени К. Герда Удмуртской Республики, а также из публикаций. Один инструмент (Быд́ым крезь) был обнаружен в ходе самостоятельной поисковой работы автором диссертации. Выявлены главные отличительные признаки различных видов традиционных удмуртских гуслей — наличие металлических приструнков внутри корпуса и резонаторного отверстия. Данные конструктивные детали обязательны в культовом инструменте (Быд́ым крезь) и отсутствуют, за редкими исключениями, в бытовых удмуртских крезях.

Некогда распространенные среди удмуртов «австрийские гусли» представляют собой иной по конструкции вид инструмента — грифная цитра. Звучание «австрийских гуслей» отличается значительной силой и характерным металлическим призвуком, что, возможно, связано с использованием плектра — металлического кольца с «ноготком», надетого на большой палец. В отличие от этого, бытовой крезь звучит мягко, естественно, поскольку очевидно, что звуки извлекаются в результате защипывания струн пальцами обеих рук. Несмотря на различие конструкции и приемов игры на бытовом крезе и «австрийских гусях», обнаруживается сходство репертуара и общность звукорядов мелодий.

Скрипка — коробчато-шейковая лютня (321.322).

В коллекции В. А. Пчельникова содержится один образец игры на скрипке от А. Шарипова из д. Удмурт Тукля, Увинский район УАССР. В «Справке об удмуртских народных музыкальных инструментах» В. М. Беляева имеется упоминание о кустарной скрипке с лукообразным смычком из конских волос, имеющей наименование «кырез». По данным современных экспедиций, в различных районах Удмуртии встречаются названия «скрипка (скрепка)» и «куско крезь / коскам крезь». Судя по нотации, строй записанного экспедицией 1937 года инструмента и приемы игры на нем характерны для традиционного смычкового инструмента — кубыза, бытующего у завятских удмуртов.

Пневматический идиофон и мембранофон

Венская двухрядная гармоника — пневматический идиофон или самозвучающий аэрофон с набором проскакивающих язычков (412.132).

В. А. Пчельниковым была записана игра на венской двухрядной гармонике сольно и в ансамбле с бубном. Кроме того, зафиксированы образцы вокально-инструментального исполнительства: рекрутская песня с аккомпанементом на гармонике и частушки «под проходку», сопровождающиеся ансамблевой игрой (гармоника и бубен). Разновидность записанной гармоники — «венская двухрядная» — определена на основании помет в нотациях Ф. А. Рубцова и З. В. Эвальд.

Бубен — односторонний рамный барабан (211.311) или цилиндрический барабан (211.21). В. М. Беляев указывает на две существующие разновидности удмуртского бубна: бубен, состоящий из деревянного обруча с натянутой на него собачьей кожей, иногда снабженного бубенчиками; бубен-барабан — сходный по своему устройству и употреблению с марийским и чувашским. При изучении ансамблевых звукозаписей из коллекции 1937 года выявляется специфика звучания ударного инструмента, в большей степени сходного со второй разновидностью.

3.3. Образцы инструментальной музыки в записях 1937 года

В данном подразделе рассмотрены избранные примеры, представляющие особый интерес в историко-культурном отношении: а) инструментальные версии свадебных и рекрутских обрядовых напевов; б) инструментальная версия трудовой припевки; в) плясовые наигрыши.

В коллекции В. А. Пчельникова имеются звукозаписи четырех мелодий свадебных песен, исполненных на узыгумы (2), крезе (1) и «австрийских гусях» (1).

Первая свадебная мелодия — «Ваён гур» («Мелодия привоза [невесты]») — обнаруживает общность со свадебной песней «Сюан пырон» («Заход свадьбы»), зафиксированной в 1937 году в нескольких вариантах, а также представленной в современных экспедиционных записях. Выявлены параллели между особенностями свадебного напева и ранними напевами бортнических и охотничьих заклинаний, что свидетельствует о архаичном происхождении и обрядовом статусе рассматриваемой свадебной мелодии.

Вторая свадебная мелодия на цитре («австрийских гусях»), обозначенная как «Бöрысь гур» («Напев родни невесты»), оказалась сходной с напевом «Сюан

гур» («Напев родни жениха»), представленным в издании «Песни южных удмуртов».

Широко распространенная свадебная песня «Кылёд ук» («Останешься ведь»), исполняемая при проводах невесты, зафиксирована не только в переложении на узыгумы, но и на «простых» (бытовых) гусях — крезе. Я. А. Эшпаем в 1937 году был записан и песенный вариант этого же свадебного напева. При воспроизведении на узыгумы строй напева изменяется в связи с возможностями инструмента: лад имеет лидийское наклонение.

В ходе экспедиций 1937 года в Удмуртию В. А. Пчельникову удалось зафиксировать от народного музыканта И. А. Шабалина две обрядовые мелодии рекрутских напевов на чипчиргане и узыгумы. Помимо этих двух примеров в рамках данного подраздела рассматривается еще одна записанная от того же музыканта мелодия на чипчиргане «Жож гур» («Жалобная песня»), не имеющая жанрового определения. Судя по информации из вкладышей к фоноваликам, можно предположить, что первая инструментальная мелодия на чипчиргане связана с кульминационным моментом проводов рекрута и воссоздает «плач родителей при проводах в солдаты»⁷. В связи с интонационным сходством всех трех образцов, исполненных на чипчиргане и узыгумы, они атрибутированы как инструментальные имитации плача-жалобы и могли быть непосредственно включены в обряд проводов новобранцев в армию.

Помимо этого, в коллекции звукозаписей В. А. Пчельникова была выявлена инструментальная версия сплавной песни на узыгумы «Тэль келян» («Сплав леса»). Среди песенных образцов экспедиций 1937 года была обнаружена сплавная песня «Ойдолэ, нылъёс, пиос» («Давайте, девушки, парни»), которая записана в вокальном исполнении от того же музыканта — И. А. Шабалина. Сопоставление двух образцов позволило обнаружить мелодическое сходство вариантов «сплавной мелодии». В ритмическом отношении наблюдается большая стабильность ритмической структуры в наигрышах. Сплавная мелодия в записях 1937 года является редким образцом, поскольку современных свидетельств о бытовании этого жанра в удмуртской традиции не существует.

В группе собственно инструментальных по происхождению наигрышей рассматриваются звукозаписи игры под пляску на гармонике и бубне — 3 образца, записанные В. А. Пчельниковым. Своеобразие структуры наигрыша состоит в его трехдольности. Сделанная в 1937 году фонографическая запись плясового наигрыша в ансамблевом исполнении на гармонике и бубне является уникальным свидетельством бытования самобытной для удмуртской культуры формы музицирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высокий научный уровень деятельности коллектива исследователей под руководством Е. В. Гиппиуса в процессе подготовки выпуска «Удмуртские народные песни» в рамках проекта «Песни народов СССР» в 1937–1941 годы

⁷ Информация из вкладышей опубликована в работе: *Денисов В. Н.* Вторая удмуртская экспедиция фольклорного кабинета института антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2011. Вып. 2. С. 26.

проявляется в реализации целенаправленной экспедиционной программы, последовательной обработке звукозаписей (аналитическая нотация, эквиритмический перевод текста), тщательном подходе к составлению сборника. Научная ценность коллекций звукозаписей, собранных в 1937 году Я. А. Эшпаем и М. П. Петровым (№ 138F) и В. А. Пчельниковым (№ 141F), состоит в их представительности (217 образцов, разнообразных в жанровом отношении).

В силу политической ситуации конца 1930-х годов состав сборника «Удмуртские народные песни», тексты статей и сами образцы фольклора подвергались коррекции. Прежде всего это касалось сокращения фрагментов поэтических текстов, посвященных запретным по идеологическим причинам темам (например, воспевание родовых божеств или отражение тяжелых душевных переживаний). Научные статьи дополнялись разделами о песнях периода Октябрьской революции.

Вместе с тем научные статьи Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, созданные в 1937–1941 годы в результате осмысления привезенного из экспедиций материала, не потеряли своей актуальности и значения. Ученые смогли точно охарактеризовать особенности исполнения удмуртских песен, особенности манеры сольного и хорового пения, изменения тембра и динамики. Высказанные ими замечания, касающиеся специфики различных историко-стилевых пластов и жанров удмуртского фольклора, остаются неоспоримыми и общепризнаны как значимые для современных исследований в этой области.

Важную часть экспедиционных коллекций 1937 года составляют неизданные и неизвестные научной общественности материалы, среди которых в рамках данной диссертации выделены образцы бортнического и охотничьего фольклора и инструментальной музыки.

Полная нотация и детальный анализ образцов бортнического и охотничьего фольклора показали, что для заклинаний свойственно свободное сочетание слоговых ритмических групп, среди которых встречаются устойчивые формулы, обусловленные магическим содержанием текста. Связь с повествовательными жанрами отражена на уровне композиции: бортнические и охотничьи заклинания имеют подвижную структуру строфы-тирады, основанную на свободном соединении интонационных групп (звеньев).

Особое значение имеют образцы инструментальной музыки в экспедиционных записях 1937 года. Большая часть образцов относится к инструментальным версиям песенных мелодий (обрядовых и необрядовых), на что обращали внимание Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. В процессе исследования были выявлены вокальные прототипы свадебных обрядовых мелодий, исполненных в 1937 году на узыгумы и гусях, и сделано предположение о возможности их звучания в обрядовой ситуации. Образцы рекрутских мелодий на чипчиргане и узыгумы, имеющие форму плача-жалобы, составляют неизвестную страницу музыкальной культуры удмуртов. Не имеет аналогов и обнаруженный в коллекции В. А. Пчельникова неучтенный ранее образец воспроизведения сплавной мелодии на узыгумы.

Работа с рукописными материалами, современными публикациями, а также звукозаписями и нотациями прояснила точность нотировок, сделанных в конце 1930-х — начале 1940-х годов, позволила выявить методы аналитической работы исследователей.

Материалы удмуртских коллекций 1937–1941 годов нуждаются в дальнейшей обработке и подготовке к изданию. Представленные в фондах Фонограммархива ИРЛИ документы и звукозаписи, связанные с осуществлением проекта «Песни народов СССР», содержат сведения, проливающие свет на неизвестные страницы отечественной науки. Перспектива дальнейшего исследования связана с решением следующих задач:

— нотация и изучение всех необработанных и не вошедших в публикацию 1989 года звукозаписей (186 образцов); подготовка к публикации сборника удмуртского музыкального фольклора на основе неизданных ранее звукозаписей в современных расшифровках;

— специальное исследование имеющихся в фонде слуховых нотаций удмуртского музыкального фольклора В. К. Томилина (46 записей, сделанных в 1929–1930 годах); Д. С. Васильева-Буглая (331 запись 1934–1936 годов);

— уточнение представлений об эволюции традиций музыкальной культуры удмуртов; определение стилевых особенностей различных жанров удмуртского музыкального фольклора в их локальном разнообразии;

— воспроизведение песенных образцов музыкального фольклора удмуртов и воссоздание звучания исчезнувших музыкальных инструментов на основе изучения фонограмм 1937 года.

Приступая к проекту «Песни народов СССР», Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд ставили перед собой наисложнейшую задачу работы с инонациональными культурами. Совместно с группой специалистов-участников проекта, несмотря на сложные исторические условия, они смогли выполнить исследование на высоком научном уровне, заложили методологические основы для развития музыкальной фольклористики многих регионов нашей страны, в том числе и Удмуртской Республики.

**Список работ, опубликованных автором по теме диссертации
Публикации в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при
Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации**

Коротаева, Е. А. Удмуртская инструментальная музыка в архивных звукозаписях и исследованиях 1937–1941 годов / Е. А. Коротаева.— Текст: непосредственный // Музыка и время. — М.: Научтехлитиздат, 2016. — Вып. 6. — С. 7–21. — Ежемес. — ISSN 2072-9960. (0,9 а. л.)

Коротаева, Е. А. Удмуртские бортнические заклинания напевно-декламационной формы в экспедиционных записях 1937 года / Е. А. Коротаева. — Текст: непосредственный // Opera musicologica. — СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2018. — Вып. 2 (36). — С. 48–74. — Ежекв. — ISSN 2075-4078. (1,2 а. л.)

Коротаева, Е. А. Гусельная игра в удмуртских коллекциях 1937 года Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук / Е. А. Коротаева. — Текст: непосредственный // Ежегодник финно-угорских исследований. — Ижевск: Удмуртский университет, 2018. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 45–61. — Ежекв. — ISSN 2224-9443 (Print); ISSN 2311-0333 (Online). (1 а. л.)

Другие публикации

Korotaeva, E. Recordings of musical instruments in udmurt collections of St. Petersburg Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) Russian Academy of Sciences / E. Korotaeva. — Text: direct // XXX. IFUSCO. International Finno-Ugrist Student's Conference (Международная научная конференция студентов финно-угроведов), 9–12 апреля 2014 г. / Georg-August-Universität (Гёттингенский университет имени Георга-Августа). — Göttingen, 2014. — С. 70–71. (0,1 а. л.)

Коротаева, Е. А. Свадебный фольклор удмуртов в экспедиционных звукозаписях 1937 года Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН / Е. А. Коротаева. — Текст: непосредственный // Международный конгресс «Фольклор народов России и стран СНГ». Научная конференция «Смех и плач в традиционной культуре». VI Международная школа молодых фольклористов. Научно-практическая конференция «Движение фольклоризма сегодня», 24–28 октября 2016 г.: тезисы докладов / Российский институт истории искусств; ред.-сост. С. В. Кучепатова. — СПб.: Российский институт истории искусств, 2016. — С. 21–22. — ISBN 978-5-86845-213-0. (0,1 а. л.)

Коротаева, Е. А. Охотничий удмуртский фольклор в экспедиционных записях 1937 года / Е. А. Коротаева. — Текст: непосредственный // Памяти Л. Л. Христиансена: История теория и практика фольклора. Сборник научных статей по материалам V Всероссийских научных чтений (6–7 ноября 2015 г.). — Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2017. — С. 242–258. — ISBN 978-5-94841-257-3. (0,8 а. л.)

Софронова, Е. А. Свадебный фольклор удмуртов в коллекциях 1937 года Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН / Е. А. Софронова. — Текст: непосредственный // Смех и плач в традиционной культуре: Материалы VII Международной школы молодых фольклористов. — СПб.: Российский институт истории искусств, 2020. — С. 150–177. — ISBN 978-5-86845-263-5. (1,3 а. л.)